

Т. Тишунина

Государственный музей А. С. Пушкина, Москва

Материалы об окружении М. А. Кузмина: Н. Г. Зенгер и И. А. Лихачёв

В статье представлены результаты архивной работы с неопубликованными эгодокументами: дневниками и письмами, в которых обнаружены новые сведения, уточнения, дополнения к биографиям людей, окружавших М. А. Кузмина.

В РГАЛИ хранится фотография, на обороте которой имеется надпись:

Слева направо: Иконников, Худяков, Юр. Юркун, я,
М. А. Кузмин. Над диваном портрет Кузмина. Все пьяны.
18 X 1928 г<ода>.¹

«Я» — это Николай Григорьевич Зенгер, родился 19 июня 1897 года в один день со своей сестрой, выдающимся текстологом-пушкинистом Татьяной Григорьевной Зенгер — Цявловской. Их отец, Григорий Эдуардович Зенгер (1853–1919) — учёный, филолог-классик, ректор Варшавского университета, министр народного просвещения Российской империи в 1902–1904 годах. Николай Григорьевич окончил Ленинградский государственный Университет по отделению археологии и истории искусств факультета общественных наук, после чего трудился научным сотрудником Государственного Эрмитажа в Секторе Западноевропейского искусства.

Фотография была вложена в письмо Николая Григорьевича к сестре Татьяне. Из нескольких строк этого довольно длинного письма мы узнаём об авторе фотографии:

¹ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, д. 1935, л. 1

Второе моё приложение — группа с Кузминым, которая тебе может быть любопытна. Вышли мы, правда, довольно скверно, т. к. были пьяны, а снимал нас тоже пьяный, очень неопытный фотограф-любитель. Кстати, вышел только что томик стихов Кузмина, я забыл заглавие. Сборник очень удачный, я его ещё не читал, но слышал часть вошедших туда стихов от Кузмина же. Один из циклов посвящён С. В. Демьянову, у которого и коим снята прилагаемая группа.²

Последний поэтический сборник Кузмина, заглавие которого Николай Григорьевич запомнил, был издан в 1929 году и назывался «Форель разбивает лёд», один из разделов которого действительно посвящён «С. В. Демьянову». Кроме фамилии и имени Сима, под которым он фигурирует в дневниках Кузмина и переписке Зенгеров, об этом человеке до сих пор ничего не было известно. Даже в монументальном издании Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада «Михаил Кузмин. Искусство, жизнь, эпоха» в именном указателе Демьянов числится просто как «знакомый Кузмина, которому посвящён цикл “Для Августа”».³ Однако в письме Николая Григорьевича к сестре Татьяне от 24 ноября 1930 года обнаружили некоторые факты биографии Демьянова, подробности частной жизни и обстоятельств смерти:

Ты проявила волнение по поводу смертей Симки Демьянова и Марии Александровны Кривцовой. Должен сказать, что за 2 месяца в моём entourage'е было 4 самоубийства. 1. Кривцова отравилась цианистым калием. 2. Демьянов застрелился из револьвера в висок. 3. Вася Виноградов повесился. 4. Нат<алья> Евг<еньевна> Энгельгардт (жена литературоведа Б. М. Энгельгардта, на днях изолированного) после этого бросилась в окно из 6-го этажа.

Далее идёт рассказ обо всех перечисленных случаях, но нас интересует пока один сюжет, изложенный в письме.

Что касается Симы, то здесь дело яснее. В день смерти Сима с Федей (бывший матрос, живший с ним в комнате)

² Там же, д. 1237, л. 17

³ Богомолов Н., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 515.

были в гостях, причём Сима был весел, пел, играл на гитаре. Вернулся домой он с Федей и одной девицей (его товарка по университету) и нашёл письмо, которое тут же прочёл и рассказал о содержании. Сашка, бывший матрос, последняя любовь Симки (с Иконниковым Симка уж год как был разведён), писал ему с Урала, что женился, что у него с Симой всё кончено, и прислал фотографическую карточку. Сашка сидит, симметрично расставив руки на коленях, а рядом извилась в преданной позе жена. Тут же было и второе письмо, написанное на следующий день, где Сашка просит Симу выслать ему педали для велосипеда. Сима сказал, что он вполне спокоен, и что следует отправить поздравительную телеграмму. Они втроём выпили. Федя пошёл провожать девицу, Сима на телеграф. Вернувшись, Федя застал Симу за письмом, которое он сейчас же спрятал. Затем Сима пытался под разными предлогами выпроводить Федю, посылал его за водкой и т. д. Но Федя, зачуйв недоброе, не поддавался. Затем появился в комнате сосед, поспешивший на разговор о водке, услышанный через стенку. За общим разговором, где Сима проявил богатое самообладание, бдительность Феде была усыплена, и когда он через полчаса пошёл проводить соседа, то в коридоре услышал выстрел. Вернувшись в комнату, он нашёл Симу на полу хрипящим. Он, видимо, встал перед зеркалом и стрелял в висок, пуля вылетела в другой. Была вызвана скорая помощь, его отвезли в больницу, где он умер часа в 2 ночи (выстрел был около 11 часов). Была найдена записка пространная, бестолковая, с литературными цитатами (из Кузмина, Маяковского и т. д.), где говорилось о тоске по Сашке и о других жизненных противоречиях: он кончил университет, и был аспирантом при Академии Истории Материальной Культуры, к чему себя не чувствовал подготовленным, и считал себя на ложном жизненном пути, а с этой дороги его, мол, соответствующая общественная организация не отпускает. Кроме того, было найдено завещание, написанное ещё летом. Видимо, мысль о самоубийстве в связи с разными противоречиями общественного и лирического порядка возникла у него уже давно, и был нужен лишь толчок. Похороны были молчаливые, ни музыки, ни речей, ни обрядов, при полном отсутствии организаций (он был коммунист и, видимо, общественный работник по университету); были лишь Федя, Иконников и довольно много студентов и студенток, в индивидуальном

порядке; товарищи его очень любили. Девушки плакали. Я, к сожалению, не попал на похороны, т. к. секретарствовал на одном из заседаний в Эрмитаже. Жаль юношу. Надо добавить, что у Симы бывали припадки, что-то вроде падучей.⁴

Таким образом, год смерти С. В. Демьянова — 1930, установлен, осталось выяснить год рождения и всё-таки полное имя.

В дневниках Кузмина Николай Григорьевич Зенгер упоминается нечасто, в основном просто фиксируется его присутствие. Так, в неопубликованном дневнике 1927 года, хранящемся в РГАЛИ, отмечается: «Был Зенгер, ещё двое. На концерт все собираются» (запись от 18 февраля);⁵ «Потом пришёл Лев. В восторге от “Кантин”, был там с Зенгером и Соколовым» (запись от 22 октября).⁶ В записи от 6 мая Николай Григорьевич удостоился целого предложения: «Зенгер готовит “труд” “Гомосексуализм в Допетровской Руси”». ⁷ Однако в большинстве случаев имя Н. Г. Зенгера встречается рядом с именем Ивана Алексеевича Лихачёва (1902–1972).⁸ Например, в записи от 27 октября 1927 года: «Общество, где он бывает <речь о Мухине. — Т. Т.> ограничивается Зенгером, Лихачёвым и Соллертинским».⁹ Или в дневнике 1929 года, опубликованном С. В. Шумихиным, в записи от 8 апреля читаем: «Потом начали набегать гости. О. Н. <Гильдебранд-Арбенина>, Лихачёв, Зенгер...»¹⁰

В 1966 году Иван Алексеевич Лихачев рассказывал Г. Г. Шмакову: «С Кузминым я познакомился в 1922 году — кто меня к нему привел, не помню».¹¹ Знакомство Лихачёва с Зенгером состоялось примерно в эти же годы, во всяком случае в 1924 году они уже друг друга знали, что зафиксировано в письме Николая Григорьевича к сестре Татьяне от 19 августа 1924 года:

⁴ РГБ, ф. 761, карт. 3, д. 17, л. 18.

⁵ РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, д. 65, л. 36.

⁶ Там же, л. 37 об.

⁷ Там же, л. 71.

⁸ Об И. А. Лихачеве см.: *Никольская Т. Л.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 249–260; Из писем И. А. Лихачева / Публ., вступ. заметка и примеч. Дмитрия Дубницкого // *Звезда*. 2006. № 6. С. 141.

⁹ РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, д. 65, л. 55.

¹⁰ *Кузмин М.* Дневник 1929 года / Публ., предисл. и коммент. С. В. Шумихина // *Наше наследие*. 2010. № 93/94. С. 99–125.

¹¹ *Лихачев Иван.* О Кузмине / Публ., вступ. заметка и примеч. Жоржа Шерона // *Звезда*. 2014. № 9. С. 160–164.

На днях ездил с Ваничкой Лихачёвым в Петергоф, где 2 раза купались (я гл<авным> образом принимал bain de soleil и лишь в завершение на 5 минут лез в воду), слушали домашний концерт (18 летний Римский-Корсаков в 4 р<уки> с биологом Соколовым — Шехерезаду, Ночь на Лысой горе и Баховский Бранденбургский концерт) и ночевали во дворце Лейхтенбергского на диванах в зале. Там теперь биологическая лаборатория университета, в коей работает кузен Ванички — Ханаев, к которому мы и поехали. Римский-Корсаков Лихачёвский college по университету.¹²

Дружба Лихачёва с Зенгером длилась до расстрела Николая Григорьевича в 1938 году, но продолжалась с его сёстрами: Татьяной Григорьевной Цявловской (1897–1978) и Марией Григорьевной Ашукиной (1894–1980) до самой кончины Ивана Алексеевича в 1972 году. И если о последних годах жизни Лихачёва существуют воспоминания, например, участников переводческого семинара, который он вёл с 1959 года, после своей реабилитации и возвращения в Ленинград, то о более раннем периоде сведений очень мало. В этом смысле архив семьи Зенгеров является ценным источником по восполнению биографических лакун.

В частности, из письма Николая Григорьевича к Татьяне Григорьевне от 25 июля 1925 года мы узнаём о музыкальном кружке, состоявшем из Зенгера, Лихачёва, Ивана Ивановича Соллертинского (1902–1944), Олега Петровича Римского-Корсакова (1906–1942), чей отец приходился племянником композитору Н. А. Римскому-Корсакову, Бориса Александровича Ильиша (1902–1971), Елены Александровны Рыдзевской (Лёля) (1890–1941). О репертуаре кружка, существовавшего с января 1925 по 1930 годы он пишет:

Много занимаюсь музыкой с кружком друзей (И. А. Лихачёв, О. П. Римский-Корсаков, И. И. Соллертинский, Б. А. Ильиш, Лёля, эпизодически А. П. Штаккельберг — очаровательный старик, и случайные гости). Мы проигрываем в 4 руки симфоническую музыку. Исполнителей трое: Римск<ий>-Корсаков, Ильиш и я. Они оба играют лучше меня, а потому моё участие меньшее.

¹² РГБ, ф. 761, карт. 3, д. 15, л. 15.

Систематически проигрываются: Бетховен (все 9), Шуман (лучшие симфонии), Шуберт (лучшие), Моцарт (лучшие), Брамс (все 4) [особенно рекомендую Твоему вниманию гениальные 3-ю и 4-ю симфонии], Брукнер (все 9), Малер (все 9), Скрябин и современные французы и немцы. Предположены ещё русские симфонисты (Чайковский, Глазунов и др.<угие>). В ударном порядке играют Брамс, Брукнер и Малер. Брамсом и Брукнером я покорён, Малером ещё нет, хотя его очень рекламируют Соллертинский и Римский-Корсаков.

Уже состоялось 26 концертов (с января). Я веду им анналы с указанием программы, исполнителей и присутствующих, а иногда с лирическими замечаниями, преимущественно юмористического свойства. Собираемся у Лёли и у Ильиша (только что кончил Университет по романо-германскому циклу лингвистического отделения вместе с Лихачёвым и Соллертинским. — Все трое оставлены при Университете), эпизодически у меня. В антрактах дружеская болтовня (мы все очень сошлись), — а иногда маленькие литературные развлечения: читаются мои протоколы и наброски характеристик членов кружка, по рукописи рецензии Соллертинского на балетные выступления и книги о балете (он постоянный балетный рецензент Новой <sic!> Вечерней Газеты), или удачные литературные перлы, полные как сознательного, так и бессознательного юмора.¹³

Дополняет сведения об окончании учёбы молодыми людьми запись Татьяны Григорьевны в неопубликованном дневнике от 1 марта 1926 года:

Да, Ваничка Лихачёв написал такую блестящую работу по строфикации испанского стиха, что Жирмунский расцеловал его, сказав, что многообещающий романский филолог. Он и Соллертинский уже магистрируются. Этот Ваничка отличается чрезвычайно странной эротической восприимчивостью лишь к ампутированным мужчинам (одна нога должна отсутствовать).¹⁴

¹³ Там же, л. 37.

¹⁴ РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, д. 816, л. 15.

Лихачёв владел практически всеми европейскими языками, включая голландский и португальский, в 1920-е годы подрабатывал гидом-переводчиком для приезжавших в СССР иностранцев: «Недавно приезжала экскурсия из Аргентины. Лихачёв и Соллертинский как знатоки испан<ского> языка были переводчиками и в течение 5 дней были неразлучны с ними. Они с ними в Москву ездили на 2 дня. Рассказывали нам массу курьёзов»¹⁵ — сообщает дочери Татьяне Е. Н. Зенгер. Иван Алексеевич известен как блестящий переводчик Китса, Джона Донна, Эмили Дикинсон, Бодлера, Нерваля, из крупной прозы романов Вальтера Скотта «Уэверли» и «Пират», Германа Мелвилла «Белый бушлат» и др. Однако значительная часть переводов Лихачёва в книгах «Антология новой английской поэзии» (Л., 1937) и «Поэты французского Возрождения» (Л., 1938) появилась без имени переводчика (он уже был арестован).¹⁶ Похожая ситуация произошла и с Зенгером, работавшим над книгой вместе со своим коллегой, заведующим отделом гравюр Эрмитажа Евгением Григорьевичем Лисенковым (также упоминающимся в дневниках Кузмина). Подробности содержатся в письме Николая Григорьевича к сестре Татьяне от 25 июля 1932 года:

Вчера я наконец сдал 2 главы англ<ийского> плана, которые делал вместе с Лисенковым. Это вышла целая диссертация — одна в 56 стр<аниц> на машинке, другая — 80. Моя доля значительно меньшая, чем у Лисенкова, я лаконичнее в своих писаниях. Трудность была в том, что надо было создать социологическую теорию истории англ<ийского> иск<ус>ства, совершенно не разработанную, в особенности, что касается прикладного иск<усст>ва.¹⁷

Книга «Английское искусство 18 века» вышла лишь 30 лет спустя, в 1964 году, как монография Лисенкова без упоминания Зенгера. Но другой книге повезло больше. Речь идёт о сборнике «Рукою Пушкина» (первое издание 1933, второе — 1935 года), составителя-

¹⁵ РГБ, ф. 761, карт. 13, д. 6, л. 37.

¹⁶ С именем переводчика Лихачёва в составе «Антологии новой английской поэзии» был опубликован только «Сонет» (Нет, отчаянье — души смерть, нет, не вопьюсь, скорбя...) Джерарда Мэнли Хопкинса (Л., 1937. С. 149); в антологии «Поэзия французского Возрождения» имя Лихачёва, действительно, не упоминалось.

¹⁷ РГБ, ф. 761, карт. 13, д. 14, л. 36.

ми и комментаторами которого были М. А. Цявловский и Т. Г. Зенгер. Мысль привлечь в это издание Лихачёва пришла Татьяне Григорьевне ещё в 1930 году, судя по письму к брату Николаю от 12 октября 1930 года:

Передай Ванечке, что я надеюсь, что он не остыл в смысле Сервантеса Пушкина? Не только меня, но и сидевшего за одним столом с ним в рукоп<исном> отделе Оксмана поразило <sic!> быстрота, острота и тонкость ориентации его. Очень хотелось бы нам, чтобы он написал статью или заметку «Пушкин и испанский язык», а лучше ещё «Пушкин и Испания или испанская литература». Мне удалось передатировать некоторые вещи на исп<анские> мотивы у Пушкина. Я бы прислала ему материалы. А он м<ожет> б<ыть> поищет, откуда заимствования.¹⁸

В увидевшем свет издании «Рукою Пушкина» (М.; Л.: Academia, 1935) И. А. Лихачёву принадлежат транскрипция московского текста «Цыганочки» Сервантеса, комментарий переводов Пушкина с испанского и перевод фрагмента «Роман о Лисе» со старофранцузского языка на русский; Н. Г. Зенгер сделал перевод немецкой биографии А. П. Ганнибала и комментарий к ней; переводы французских текстов сделаны М. Г. Муравьёвой (во втором браке Ашукиной), которой проделана большая работа по отысканию источников выписок и цитат Пушкина и собран материал для комментариев к ряду его записей. Здесь уместно привести отрывок из письма Марии Григорьевны к матери от 29 мая 1932 года как раз об этом издании:

На днях проглядывала в целом виде машинописный экземпляр книги «Рукою Пушкина» и лишний раз убедилась, что это издание кажется мне в высшей степени блёклым, хотя появление его и оправдывается долгом по отношению к гению. Надо действительно всё наследие издать. Что же касается комментария, то с сожалением вижу, что лучшие статьи — оазисы во всей книге — это статьи Грифцова (здешний исследователь итал<ьянской> лит<ературы>) и Лихачёва, в которых авторами проявлено и историко-литер<атурное> чутьё и филологич<еская> школа и умение поставить тему

¹⁸ Там же, карт. 6, д. 4, л. 107.

и достаточно для случая глубокий охват её. У Мст<ислава> же, к сожалению, всё (хоть оно точно и добросовестно в отношении публикации документа) носит несколько ремесленный характер, т. к. для научного обобщения у него не хватает ни нюха, ни эрудиции.¹⁹

Елена Николаевна Зенгер была очень горда тем, что трое её детей приняли участие в этом сборнике и в письме к дочери Татьяне от 25 марта 1936 сообщает:

Танюшечка, прими вместе с Мст<иславом> Ал<ександровичем> мою самую горячую благодарность за «Рукою Пушкина». Очень горжусь Вами. Лихачёв занёс мне книгу неск<олько> дней тому назад.²⁰

С Кузминым Елена Николаевна Зенгер познакомилась в 1928 году, но обстоятельства знакомства нам пока неизвестны (возможно, через сына Николая Григорьевича). А вот Татьяна Григорьевна о факте знакомства в 1931 году с одним из своих любимых поэтов подробно рассказала в письме к брату Николаю:

Тебе м<ожет> б<ыть> рассказывал М. А. Кузмин, что будучи недавно в Москве,²¹ он познакомился со мной и Мстиславом у Чулкова, и затем мы приглашали его к обеду, и он был у нас, играл и пел, и согласился очень мило не только надписать свою фамилию на его книге, как я просила, а «даже и Вашу» — и написал мне трогательные по ласке строки, по которым будущие его биографы скажут, что я была его очень близким другом, и выведут, что знакомство многолетнее, со времён Петербурга и т. д. Я, как ты знаешь, ужасно люблю его стихи и всегда очень любила их. И поэтому, когда Чулков вдруг позвал нас, и оказалось, что там Кузмин, я была сама не своя. Но я не решилась ему сказать. Что он для меня значит. С этой целью пригласили его к нам, и простившись уже с ним, я сконфуженно сунула ему книгу, прося его подписаться, и,

¹⁹ Там же, карт. 4, д. 41, л. 100.

²⁰ Там же, карт. 13, д. 18, л. 23.

²¹ Кузмин останавливался у Габричевских в Москве 21 ноября—2 декабря 1931. См.: Кузмин М. Дневник 1931 года / Вступ. статья, подгот. текста, примеч. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 163–204.

когда он макал перо, я шёпотом бормотала ему признание об его стихах, которые он вероятно не слышал, а м. б. услышав написал такие нежные слова. На этот вечер я назвала разных его поклонников, была Муся <Мария Григорьевна Ашуккина — Т. Т.>. Было довольно мило, но у Чулкова ему было проще, там он почти всех знал. У него есть какое-то очарование, очень своеобразное. Как он забавно вдруг сморщит нос, когда засмеётся. Чудесные стихи читал он у Чулкова. Был разговор об его драме. Я сказала, что слыхала об ней. От кого? От Зенгера и Лихачёва. Он сказал, что от Зенгера я не могла слышать, т. к. «Николая Григорьевича я никогда длинными вещами не мучаю». Я поняла, что ты не скрывал от него, что никогда особенно стихов не любил.²²

В 1933 году Зенгер был арестован и осуждён по 58 статье, отправлен на Соловки, где с 1935 года, будучи заключённым, исполнял обязанности научного сотрудника музея Беломоро-Балтийского канала им. Сталина, а с 4 октября 1936 стал его директором. Помимо работы непосредственно в музее, Николаю Григорьевичу приходилось читать лекции и водить экскурсии для туристов. Елена Николаевна в июне 1936 года пишет сыну:

Читала в «Ленинградской» Правде», что с июня открывается навигация по каналу и что намечается 7500 экскурсантов! Так-то вам предстоит большая работа.²³

Надеюсь, что экскурсии не слишком тебя одолеют. Если пароход будет по-прежнему привозить 150 чел<овек>, тебе придётся одному проводить 3 экскур<урсии> подряд, а в этот день могут быть и сухопутные.²⁴

Одну из таких экскурсий Зенгер описал в письме к матери от 5 июня 1936 года:

У нас в Музее сейчас ремонт. Свеже окрашены полы в залах. Дня через 2 всё восстановим. Вчера мы не могли принять экскурсию с парохода, поэтому они настояли, чтобы музей

²² Там же, карт. 6, д. 4, л. 127.

²³ Там же, карт. 2, д. 29, л. 25.

²⁴ Там же, л. 52.

выехал к ним на пароход («музей на колёсах»). Мне пришлось отправиться на пароход, забрав кое-какие картограммы и портативные экспонаты, какие оказались под руками и у них в салоне прочесть лекцию — часа 1½–2, пока пароход отходил от пристани в озеро брать нефть к нефтеналивной барже.²⁵

Освобождён Николай Григорьевич был досрочно 26 мая 1937, но остался директором музея по вольному найму до 1938 года. Летом 1937 года друзья Зенгера предприняли довольно рискованный по тем временам шаг: решили поехать на Соловки навестить своего товарища втроём — Лихачёв, Римский-Корсаков и Соллертинский. Заранее взяли билеты, но в итоге 28 августа 1937 года выехал из Ленинграда один Иван Алексеевич, у Соллертинского заболела мать, а у Римского-Корсакова образовались срочные дела. Вернувшись, Лихачёв встретился с Еленой Николевной и рассказал ей о своём путешествии, которое она описывает дочери Татьяне:

Он находит, что Коля совсем прежний, нисколько не изменился, только у него много седых волос, т. ч. его там убеждают выкрасить их! Два маленьких шрама от его падения остались на лице, но Лихачёв думает, что путём электризации можно будет их уничтожить. Потом он вынес впечатление, что Коля в Повенце очень популярен и что все его любят. Они вместе гуляли и поминутно Колю шумно приветствуют. Коля ежедневно купается в озере. Он очень занят; при Лихачёве он обучал какого-то приезжего мальчика русскому языку, т. к. у него предстояла переэкзаменовка; затем он провёл 2 экскурсии, затем они пешком ходили в пионерский лагерь, кот^{орый} я видела с балкона, мне казалось это недосягаемо далеко. При этом они собрали грибов, кот^{орые} вечером зажарили. Катались ещё на лодке по озеру. Олег тоже собирался ехать, но в последнюю минуту у него что-то приключилось и ему пришлось продать билет. Коля был ужасно огорчён этой неудачей, т. ч. Лихачёв даже был несколько обижен, но Коля стал радоваться и его приезду. Лихачёв после поездки по Волге (из Горького вниз) будет несколько дней в Москве с 19 сент^{ября}. Примите его не слишком холодно; ведь всё-таки мило с его стороны, что он урезал ради Коли свой отпуск и поехал его проведать. Соллертинский тоже намерен был при-

²⁵ Там же, карт. 3, д. 12, л. 31.

соединиться к нему, но у него мать доживает свои последние дни (рак почек), и он не решился уехать.²⁶

Многие друзья и знакомые интересовались судьбой Зенгера, будучи сами в местах не столь отдалённых. В их числе известный поэт, писатель и переводчик Андрей Николаевич Егунов (1895–1968). Елена Николаевна сообщает об этом Татьяне Григорьевне 3 января 1938 года:

Сегодня получила ещё письмо от Егунова из Томска с запросом, где Коля. Я ему отвечаю и спрашиваю про Томск.²⁷

В марте 1938 года, сдав музейные дела, и не имея права жить в крупных городах, Николай Григорьевич выбрал местом своего временного пребывания город Александров, где практически сразу был арестован повторно и в конце марта же расстрелян.

Иван Алексеевич, арестованный через месяц после поездки к Зенгеру, в октябре 1937 года, и, вернувшийся в Ленинград во второй половине 1950-х годов после многих лет пребывания в ссылках, возобновил общение с сёстрами Николая Григорьевича.

В приложении впервые публикуются письма Лихачёва к Марии Григорьевне Зенгер-Ашукиной (РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, д. 765, лл. 8–21); а также друзей Ивана Алексеевича к Татьяне Григорьевне: Юрия Александровича Македона (1905–1986) (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, д. 1327, лл. 5–7) и Алексея Матвеевича Шадрин (1911–1983) (РГАЛИ, ф. 2558, оп. 2, д. 1613, лл. 1–6).

В заключении приведу слова Зенгера из письма к О. П. Римскому-Корсакову от 5 июня 1936 года — отклик на известие о смерти Кузмина: «Очень меня огорчила смерть Михаила Алексеевича. Очаровательный человек был, тончайший поэт».²⁸

²⁶ Там же, карт. 14, д. 2, л. 20.

²⁷ Там же, д. 3, л. 3.

²⁸ Там же, карт. 3, д. 18, л. 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПИСЬМА И. А. ЛИХАЧЁВА К М. Г. ЗЕНГЕР

1

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер и Н. С. Ашукину
15 апреля 1960 года

15 апр<еля> 1960

Дорогие Мария Григорьевна и Николай Сергеевич,

Ваш подарок меня обрадовал вдвойне. Во-первых, тем, что книга Ваша¹ вышла addenda,² а во-вторых, что она заменила мне первую. Её взял у меня под всякие клятвы о бережном отношении к ней один из моих опекаемых — и вдруг её у него в общежитии украли. Были в отчаянии и парень, и я. Первый даже от смущения полгода ко мне не ходил. Сердечное спасибо за внимание и за незаменимое «орудие производства».

24-го уезжаю во Фрунзе, где пробуду до 23-го мая, а потом вернусь в Л<енингра>д, возможно, с заездом в Москву или Пензу — пока не ясно. 2-го июня у меня уже занятия в Союзе Писателей. Мои дела идут в гору. Недавно был мой творческий вечер в Союзе Писат<елей>, где меня ни плю ни мוזн³ объявили «мастером прозы». В ответном слове я вынужден был сказать, что я об этом столь же мало подозревал, как Mr. Jourdain говорит прозой.⁴

Стихотворные переводы были, однако, приняты avec réserves.⁵ Впрочем, раздавались голоса и за, и против. Крайние полюса оценок — «дилетантская работа», «шалости пера», а с другой говорили, что я могу соперничать с Брюсовым и Гумилёвым, а Левик⁶ в смысле понимания стиля могу дать 100 очков вперёд.

Ещё раз спасибо за чудную книгу.

Ваш И. Лихачёв.

¹ См.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Об-разные выражения. 2-е изд., доп. М.: Гослитиздат, 1960. 752 с.

² Материалы, которые следует добавить; здесь — переиздание (лат.).

³ Ni plus ni moins (ни больше, ни меньше, фр.).

⁴ Намек на сцену из III акта комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве», где главный герой Журден утверждает, что изъясняется прозой.

⁵ С оговорками (*фр.*).

⁶ Речь идет о В. В. Левике (1906–1982) — поэте, переводчике, художнике.

2

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
12 октября 1960 года

12–10–<19>60
Л<енингра>д П-22,
Попова 26 б, кв. 18.

Дорогая Мария Григорьевна,

простите, что запоздал с ответом. Хотел послать Вам стихотворение.¹ Но дело в том, что я Вам читал его по чужой записи. Принялся отыскивать приятеля, а он, оказывается, отдал стихи в свою очередь другому дяде, так что Вам придётся немного подождать. Недавно смотрел амер<иканский> балет — есть хорошие вещи, но, в общем, мура. Жду с нетерпением приезда Има Сумак.² Есть у Вас её пластинка? Это продаётся за 8 целковых³ в эстрадной музыке.⁴ Здорово.

Привет Ник<олаю> С<ергеевич>у.⁵

Ваш И. Лихачёв.

¹ Речь идет о стихотворении О. Э. Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...». См. п. 3.

² Има Сумак (Сойла Аугуста) (1922–2008), американская певица, перуанского происхождения, полгода в 1961 гастролировала в СССР. Об этом см.: *Мальцев И.* Има Сумак. Загадка инков в СССР // Коммерсант. 2000. 20 августа. С. 5.

³ Целковым в России назывался серебряный рубль, однако в реалиях советского времени речь идет о простом рубле.

⁴ Вероятно, имеется в виду возможность приобретения пластинок в ЛОЖЕ (Ленинградском обществе коллекционеров), располагавшемся на пр. Римского-Корсакова 53/10.

⁵ Н. С. Ашукин.

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
21 октября 1960 года

21 окт<ября> 1960.

Глубокоуважаемая Мария Григорьевна,

Вы, вероятно, имели ввиду эти стихи?

Дайте Тютчеву стрекóзу, —
догадайтесь, почему?
Веневитинову — розу,
Ну а перстень — никому.
 Баратынского подошвы изучали слух веков
 У него без всякой прошвы наволочки облаков.
А ещё над нами волен
Лермонтов — учитель наш,
И всегда одышкой болен
Фета жирный карандаш.
8 июля 1932.

Вариант последних двух стрóf:

Пятна жирно нефтяные
Не просохли в купах лип,
Как наряды тафтяные,
Прячут листья шёлка скрип.
Тихо шаркают подошвы
Недочитанных стихов,
И плывут без всякой прошвы
Наволочки облаков.¹

Меланхолически смотрю в окно на первый снег. Сегодня вечером иду в балет смотреть «Жизель» с Иветтой Шовире.² Предстоит перевод фармакологической статьи на английский язык (мои переводы такого рода уже вышли в Карачи, Венеции, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке), а потом засаживаться за «Лавенгро» Борроу,³ а потом проверять работы участников моего семинара...⁴ Наступает трудовая зима...

Привет Николаю Сергеевичу.⁵

Ваш И. Лихачёв.

¹ Ср. с каноническим текстом и его вариантами в издании: *Мандельштам О. Э.* Собр. соч. В 3 т. / Сост., коммент. А. Г. Мец. Т. 1. М., 1994. С. 178, 480. Текст, зафиксированный в письме Лихачёва, содержит ранее не известное разночтение 5 строки и отличается введением новой датировки.

² Шовире Иветт (1917–2016), прима-балерина Парижской оперы.

³ Речь идет об автобиографическом романе Дж. Барроу, перевод был осуществлен и издан: *Барроу Джордж.* Лавенгро мастер слов, цыган, священник / Пер. с англ. и примеч. И. Лихачёва. Вступ. ст. М. П. Алексеева. Л., 1967.

⁴ Об этом см. с. 516 наст. изд., примеч. 8.

⁵ Н. С. Ашукин.

4

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
23 ноября 1960 года

23 ноября 1960. Л<енингра>д.

Дорогая Мария Григ<орьевна>,

Я спросил лицо,¹ давшее мне копию стихотворения,² верно ли оно было списано. Оказывается, «учитель» описка, следует «мучитель», так что у Вас нет оснований разочаровываться.купаюсь в «светской жизни». Видел Кубинский балет³ (способные люди, но поздно занявшиеся танцами), Иму Сумак⁴ (очень большое впечатление, хотя она и пела больной и сипела). Вчера был на трио ГДР⁵ (триумф), сегодня иду впервые на Андроникова.⁶

Привет Н<иколаю> С<ергеевичу> и Т<атьяне> Г<ригорьевне>⁷

¹ Неустановленное лицо.

² Речь идет о стихотворении О. Э. Мандельштама. См. п. 3, примеч. 1.

³ О феномене кубинского балета и его гастроях в СССР см.: *Сакамото де Мясников Ф. М. Т.* «Кубинское чудо»: к 70-летию создания «Балета Алисии Алонсо» // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2018. № 2 (55). С. 17–33.

⁴ См. примеч. 2 к п. 2. Концерт Имы Сумак и ее ансамбля состоялся в Большом зале Ленинградской филармонии 18 ноября 1960.

⁵ Речь идет о посещении концерта Берлинского трио 22 ноября 1960 в Малом зале Ленинградской филармонии.

⁶ И. Л. Андронников (1908–1990), писатель, мастер художественного слова. Лихачёв собирался посетить концерт Андронникова 23 ноября 1960 в Большом зале Ленинградской Филармонии.

⁷ Н. С. Ашукин, Т. Г. Цявловская (урожд. Зенгер).

5

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
10 апреля 1963 года

Пр-т Вернадского, 22
кв. 41.¹

10 апр<еля> 1963.
Переделкино, комн<ата> 47.²

Дорогая Мария Гр<игорьевна>,

Получил Ваше письмо за день до отъезда в Дом Творчества.³ 8-го забегал в Эрмитаж. Спасский ещё не вышел, хотя сигнальные экземпляры уже есть.⁴ Поручил одной своей знакомой, сотруднице Эрмитажа, забронировать один экземпляр в киоске и выслать в Москву, как только он, Спасский, выйдет. Только будет он послан Татьяне Григорьевне,⁵ т. к. Вашего адреса у меня тогда при себе не было.

Хотя я приехал сюда работать, постараюсь вырваться и повидать как Вас, так и Тат<ьяну> Гр<игорьевну>. Низайший поклон Николаю Серг<еевичу>.⁶

¹ Новый адрес М. Г. и Н. С. Ашукиных.

² Адрес отправления письма.

³ Речь идет о Доме творчества писателей в п. Комарово Ленинградской обл., основанном в 1956.

⁴ Речь идет об издании: *Спасский И. Г.* Иностранцы и русские ордена до 1917 года. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963.

⁵ Т. Г. Цявловская.

⁶ Н. С. Ашукин.

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
23 мая 1963 года

23 мая 1963.

Дорогая Мария Гр<игорьевна>,

Рад, что смог Вам доставить удовольствие «Орденами». ¹ Но книга оказалась не редкая — её сейчас продают у нас даже на улицах.

Сейчас дико тружусь над редакцией Сент-Бёва. ² Дьявольский писатель. Quand on le lit, ça n'a l'air de rien, ³ но попробуйте его переводить! Даже опытные ленингр<адские> переводчики сломали на нём зубы, и теперь мне приходится заниматься зубным протезированием. Невесело и неаппетитно. Предвижу также, что будут des auteurs recalcitrantes, ⁴ которые станут доказывать, что правы они, а не вы, а поди докажи им, когда смысл фразы порой приходится улавливать я уже не говорю шестым, а седьмым, восьмым и т. д. чувством.

Сегодня приглашён на открытие выставки англ<ийской> детской книги в Публичке. ⁵ Думаю, будет любопытно. Недавно зашёл в Этнографический музей Акад<емии> наук и попал на негритянскую выставку. Изумительные Бенинские бронзы, которые я до сих пор знал только по фотографиям. И всё это никак не рекламируется, а там de pure chef d'oeuvres, ⁶ что твоя Мексика.

Большой привет Ник<олаю> Серг<еевичу>. ⁷

Написал сегодня Татьяне Григорьевне. ⁸

¹ См. п. 5, примеч. 4.

² См.: *Сент-Бёв Шарль*. Литературные портреты: критические очерки / Перевод с фр.; сост., вступ. ст., коммент. М. Трескунова; редакция перевода А. Андрес, И. Лихачёва. М., 1970. (Памятники мировой эстетической и критической мысли).

³ Когда его читаешь, это ни на что не похоже (*фр.*)

⁴ Упрямые авторы (*фр.*)

⁵ Речь идет о Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в наст. время — Российская национальная библиотека (РНБ).

⁶ Чистые шедевры (*фр.*)

⁷ Н. С. Ашукин.

⁸ Т. Г. Цявловская.

7

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
25 мая 1963 года

25 мая 1963.

Дорогая Мар<ия> Гр<игорьевна>

Ну зачем эта монета? Вы и так мне дали Andre Gide,¹ и я считал себя более чем Вашим должником *present et à venir*.² В прошлом письме я забыл Вам сказать, что с большим удовольствием прочёл бы Maurois,³ которого с пунктуальностью бы вернул. Я все силы трачу в редактировании плохих переводов, но, кажется, к началу июня кончу и переключусь на перевод португальских новелл. На след<ующей> неделе возобновляю свои концертные походы. По совету Т<атьяны> Г<ригорьевны>⁴ пойду на франц<узского> пианистика, а там на хорошие камерные. У нас стоит солнеч<ная> погода, и все ленинградцы устремились загорать. В трамваях и автобусах отроки и <нрзб> арборируют⁵ свекольные оттенки кожи.

Ещё раз спасибо.

Располагайте мной.

¹ Андре Поль Гийом Жид (1869–1951) — французский писатель, драматург, эссеист.

² В настоящем и будущем (*фр.*)

³ Андре Моруа (Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог) (1885–1967) — французский писатель, член Французской академии. Возможно речь идет о книге: *Maurois André. De Proust à Camus. Published by Perrin, 1963.*

⁴ Т. Г. Цявловская.

⁵ Водружать знамя на древко, здесь: демонстрируют (*фр.*).

8

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
18 февраля 1964 года

18 февр<аля> 1964.

Дорогая Мар<ия> Гр<игорьевна>,

Tous les torts de mon côté.¹ Я хотел бы ответить Вам pour accuser reception de livre,² потом решил её сначала прочесть. Пришёл в восторг. Дочитал. У меня попросили её одни близкие друзья. Они её читали. Тем временем меня затюкали издательства. Тому составляй список лирических стихов Quevedo,³ рекомендуемых к переводу, этому правь корректуры книжки о «Шестёрке» (Honneger, Milhaud, Poulenc и т. д.),⁴ тут семинар, там бесплатная (общественная) редактура «Lettres sur le Danse» Новеppа⁵ (как никак 250 страниц). А тут необходимость переводить в день по половине печатного листа «Лавенгро» Джорджа Борроу⁶ (срок 1 июня — переведено 3/5); 3 человека на 10 метрах; посетители днём и ночью (хуже, когда пьяные приходят высыпаться ко мне), а хоз<яйст>во! (сейчас 10–15 только кончил мыть посуду; сейчас нужно бежать на почту посылать Вам Maugois;⁷ получать перевод на Геннадия⁸ (завтра ему будет 27 лет), искать лекарство для подопечного (без 2-х рук и одной ноги),⁹ страдающего камнями в почках, брать у сапожника mes souliers ressemelés¹⁰ и покупать постное масло, сахар и котлет, — вот я вам и не написал, проявив недюжинное хамство...

Книга Maugois прелесть, она даёт, по-моему, очень верную картину Пруста. Et les details¹¹ <...> Чего стоит вата, вылезаящая из-под крахмального воротничка!

Никогда ещё не был так занят. В кино не хожу с лета. Месяцами не попадаю к друзьям, которых хочу повидать. И непрерывные посетители! Учинил деподонкизацию своей квартиры, исторгнув из неё битников. Сии молодые люди нигде не работают или работают кочегарами, кормителями зверей в зоопарке, механиками лифтов, мыловарами в прачешных или учёгчиками отбитых носов на кладбищенских памятниках; за ними гоняется милиция, поэтому они ночуют не дома, питаются они (годами!) по знакомым. У них хорошая память, воображение, хорошо подвешенный язык. Они забегают к вам, прочитывают последние ваши книжки, вытягивают из вас сведения из последних иностранных ж<урна>лов, подсовывают чьи-либо неизданные стихи или пересказывают фильм, увиденный в Доме кино, сообщают, что виднейший ленинградский абстракционист живёт одновременно с мужем и женой couple'a¹² <sic!> и бегут дальше рассказывать, что застал вас на кухне en conversation criminelle¹³ с козой, привезённой из деревни вашей соседкой.¹⁴

Но свято место не бывает пусто. Как кишечник, из которого изгнали гнилостные бактерии, немедленно инвадируется молочно-кислым<и>, на меня нагрязнули все мои <нрзб.>. Если даже их удаётся загонять на кухню, то всё же мыть посуду после них приходится. Вечером они опаздывают на метро и во втором часу ночи возвращаются ночевать (уже 4 чел<овека> на 10 метров). Ночью они меня толкают и прерывают мой сон. (Сегодня вследствие этого я опять видел, что меня арестовывают из-за того, что в руке у меня был столярный нож с костяной ручкой — происходило это на углу Невского против Городской Думы). И все недовольны. Они бы долго хохотали, читая Ваше письмо, ибо считают, что я воплощённая чёрствость и прожжённый эгоист! <...> Всё это не мешает мне чувствовать бодрость и быть, в общем, в форме.

Мой нижайший поклон Ник<олаю> Сер<геевичу> и Т<атьяне> Гр<игорьевне>.¹⁵

¹ Кругом перед Вами виноват (*фр.*)

² Чтобы подтвердить получение книги (*фр.*)

³ Речь идет об испанском поэте периода барокко Франсиско Гомес де Кеведо (1580–1645).

⁴ Речь идет о группе французских композиторов, которая называлась «Шестерка» (1910–1920-х), в которую входили Луи Дюрей (1888–1979), Дариюс Мийо (1892–1974), Артур Онеггер (1892–1955), Жорж Орик (1899–1983), Франсис Пуленк (1899–1963), Жермен Тайфер (1892–1983) и подготовке к изданию книги: *Дюмениль Рене*. Современные французские композиторы группы «Шести» / Пер. с фр. И. Зубкова; ред. и вступ. ст. М. Друскина. Л.: Музыка, 1964.

⁵ Речь идет об издании: *Новерр Ж.-Ж.* Письма о танце и балетах / Пер., ред. и вступ. ст. Ю. И. Слонимского. Л.; М.: «Искусство», 1965.

⁶ См. примеч. 3 к п. 3.

⁷ См. п. 7, примеч. 3.

⁸ Речь идет о приемном сыне Лихачёва Геннадии Ивановиче Глазко (1937–1996), инвалиде, протезисте. О нем см.: Из писем И. А. Лихачёва. С. 162.

⁹ Подробнее об этом см.: *Никольская Т. Л.* Указ. соч. С. 257.

¹⁰ Мои туфли с новыми подметками (*фр.*)

¹¹ А каковы детали!.. (*фр.*)

¹² Возможно: en couple — в отношениях (*фр.*).

¹³ За преступным общением (*фр.*)

¹⁴ Об образе жизни Лихачёва и круге его общения см.: *Никольская Т. Л.* Указ. соч. С. 256.

¹⁵ Н. С. Ашукин, Т. Г. Цявловская.

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
23 ноября 1964 года

23 ноября 1964.

<...> Я сейчас действительно занят, но не слишком. Перевожу своего португальского пирата¹ с некоторым сумлением, выйдет ли книга или нет, так как в ней не только ругают китайцев. А, оказывается, китайцы должны были быть бьяками уже в XVI веке. Mon pauvre portugais ne l'avais pas prévu² и изобразил бьяками своих соотечественников.

Хожу до самозабвения на концерты (не реже 2-х раз в неделю). Слушал недавно потрясающую запись. Полную мистерию XIII века об Ироде—царе. Оказывается, эти мистерии были частными операми, в которых только пелось на церковные лады. Но последние очень тонко дифференцированы и позволяют прекрасно охарактеризовать действующих лиц. Пластинка эта выдана <sic!> у американцев из ансамбля «Pro musica».³

¹ Фернан Мендеш Пинту (Fernão Mendes Pinto, 1509–1583) — португальский писатель и путешественник. См.: *Пинто Фернан Мендес*. Странствия / Пер. с португал. И. А. Лихачёва. Предисл. и комм. Д. В. Деопика, Я. М. Света. М.: Художественная литература, 1972.

² Мой бедный португалец этого не предвидел (*фр.*).

³ Речь идет об ансамбле старинной музыки «Pro musica New York», основанным в 1952 Ноа Гринбергом; 6 и 7 октября 1964 ансамбль выступал на сцене Большого зала Московской государственной консерватории. 9, 10 и 11 ноября ансамбль выступил в Большом зале Ленинградской Филармонии.

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
9 марта 1972 года

9 марта 1972.

Дорогая Мария Григорьевна,

Письмо из Москвы принесло мне печальную весть о смерти Николая Сергеевича.¹ Конечно, я знал, что Николай Сергеевич тяжело болен, но никак не мог подумать, что конец может наступить так быстро. Ещё в ноябре, помните, мы все вместе сидели у вас за праздничным столом, веселились и шутили. Как горько подумать, что этому уж больше не бывать. Крепко, крепко жму Вашу руку.

В такие времена обычно предаёшься филос<офским> размышлениям, кот<орые> у меня выливаются в максимы на фр<анцузском> языке. Одна из них гласит: *la perte de nos amis, les malheurs et les maladies nous rendent nous cruels les adieux à la vie.*² Накопление всяческих невзгод к старости как-то уравнивает чашу благополучий. Я всегда вспоминаю об этом, когда серьёзно заболеваю и нахожу в этом даже какую-то целесообразность. Но жить-то всякому хочется, и жить подольше, а за удовольствие — плати. Так вот, *le prix de la longue vie est la douleur qu'on è prouve à voir mourir ses proches.*³ Всё это входит в правила игры.

Эх, Мария Гр<игорьевна>, теперь, когда у Вас отпали заботы по уходу за Ник<олаем> Серг<еевичем>, занялись бы Вы писанием своих воспоминаний. Грех будет, если всё это пропадёт. А в этом Вы нашли бы утешение в некой *Flucht in das Gewesene.*⁴ Я говорю очень и очень серьёзно.

И ещё раз будьте уверены в моей самой горячей дружбе, особенно в такое тяжёлое для Вас время.

¹ Н. С. Ашукин умер 9 февраля 1972. См.: *Едошина И. А.* «Человек, влюбленный в литературу»: Николай Сергеевич Ашукин // *Литературоведческий журнал.* 2021. № 2 (52). С. 123–156.

² Потеря друзей, несчастья и болезни заставляют нас жестоко прощаться с жизнью (*фр.*)

³ Цена долгой жизни — это боль, которую мы испытываем, наблюдая, как умирают наши близкие (*фр.*).

⁴ Побег в прошлое (*нем.*).

Дорогая Мария Гр<игорьевна>

Огромное спасибо за Ваше сердечное милое письмо. Кое-что в нём устарело: документов мне никто не вернул: значит, как мне объяснили, крал их *честный* человек; *воры*, как правило, их возвращают. Но теперь уже всё восстановлено: паспорт, пенсионная и сберегательная книжка, погибли только адреса и телефоны. Первые восстанавливаю по конвертам корреспондентов, а вторые — при свидании.

Я успел уже заболеть по новой и обратно выздороветь. По последним данным у меня был поликистоз правого лёгкого в средней и нижней долях. Лечился, вливал медикаменты в бронхи, отчего мой голос приобретал сепюлькральный¹ оттенок. Было противно, но помогло.

В новую квартиру² наконец прибыла часть полок, отчего она приобрела приятный вид. Книги кое-как порастыканы, и уже нет безобразных коробок из-под порошка «Ладога», в которых они *changeaient de domicile*.³ Уже и словари найти можно.

Из окон на меня смотрят жёлтые клёны Лесотехнического парка. Живу я на необыкновенно шикарной улице, по которой возили Никсона⁴ (*c'est tout dire*⁵). Кстати, за неделю до его визита скрыты до основания почерневшие деревянные дачи, включая дачу С. Ю. Витте.⁶ Плохо только то, что по ней ходит 3 маршрута троллейбусов и неисчислимые легковые машины, а так как я живу на втором этаже, окнами на улицу, то шум меня рано будит. Приходится прибегать к демидолу,⁷ который я почему-то называю дормидонтом...

Письмо пришлось прервать из-за блохоморения. Как-то мой Геннадий⁸ осчастливил меня тремя чёрными котятками (с ними пришлось потом расстаться), кои наградили мою квартиру неисчислимым количеством блох, от которых, правда, страдал один Геннадий, меня они не трогали, говорят, они не ценят стариков и больных. После блох на меня навалилось изд<ательств>во «Наука», для которого я должен был перечесть том эссе Charles Lamb⁹ и изложить свои взгляды по поводу того, лучше ли его переводить целиком или частично. Сейчас я это срочное письмо опустил и могу закончить Ваше.

Сейчас должен приложить последние усилия, приводя в порядок рукопись «Белого бушлата» Мелвилла,¹⁰ а затем мне предстоит переводить текст *Histoire de Soldat* Рамюза-Стравинского.¹¹ Сей последний сноб поручил Рамюзу переделать афанасьевскую сказку на швейцарский лад и пересыпать её анахронизмами. При всём при том

произведение это написано стихами с нарочито плохими рифмами и на крестьянском швейцарском языке. Вот и переведите это по-народному, но, чтобы не звучало слишком по-русски. Думаю, переводить силлабическим стихом Шевченка.¹²

Рок преследует это письмо. Пришлось срочно перечитывать все essays of Elia Чарльза Лэма для того, чтобы выяснить, следует ли переводить их целиком или только некоторые из них. Таким образом я заканчиваю это письмо 21-го числа, через 9 дней!

Добавлю несколько слов о себе. Чувствую я себя сейчас хорошо. Одиночеством не страдаю. Теперь, когда моя квартира стала уютной, её охотно посещают друзья. Правда, сейчас после моих многочисленных болезней, они проявляют ко мне сугубое внимание, моют полы и посуду, готовят обеды и т. д. Мне приходится лишь изредка ходить за провизией.

Позвоните Татьяне Григорьевне¹³ и скажите ей, что с ноября я в Москву не приеду, а вероятно, соединю приятное с полезным и побываю там, когда это потребуют издательские дела — передайте ей mille chires <sic!> de ma part.¹⁴

¹ Sépulcres (гробницы, *фр.*)

² Т. Л. Никольская вспоминала: «В последние годы жизни Иван Алексеевич получил кооперативную квартиру на Новороссийской улице. Он просил двухкомнатную, мотивируя тем, что у него часто бывают иностранцы, но Союз писателей предоставил ему однокомнатную. Квартиру эту Иван Алексеевич так толком и не обжил. Того уюта, который был в комнатке на улице Попова, в новом жилище не создалось» (*Никольская Т. Л. Указ. соч. С. 259.*)

³ Меняли место жительства (*фр.*), т. е. перевозились.

⁴ Речь идет о посещении Ленинграда вице-президентом Р. Никсоном с женой Патрицией в июне 1959.

⁵ Этим все сказано (*фр.*)

⁶ Вероятно, речь идет о даче австрийца Роберт (Романа Ивановича) Пенля, основателя страхового общества «Россия», которая располагалась на Новосильцевской ул. (ныне Новороссийская ул.). После смерти Р. Пенля в 1909 в 1912 была приобретена у наследников Эрнестом Карловичем фон Витте.

⁷ Имеется в виду снотворное димедрол.

⁸ См. примеч. 8 к п. 8.

⁹ Чарльз Лэмб (1775–1834), английский писатель эссеист. См.: *Лэм Чарльз. Очерки Элии / Статья Н. Я. Дьяконовой, примеч. К. А. Афанасьева. Л.: Наука, 1979.* (Литературные памятники). В этом издании был опубликован перевод Лихачёва эссе «Слово о жареном поросенке» (С. 125–131).

¹⁰ См.: *Мелвилл Г. Белый бушлат / Пер. с англ. и примеч. И. А. Лихачёва. Л.: Наука, 1973.* (Литературные памятники).

¹¹ Речь идет о балете-опере, созданном на основе сказок из сборника А. Н. Афанасьева, И. Ф. Стравинским «История солдата» («L'Histoire du soldat»), авторское название «Сказка о беглом солдате и чёрте, играемая, читаемая и танцуемая», либретто на французском языке — Ш. Ф. Рамо.

¹² Т. Г. Шевченко (1814–1861) — украинский поэт, мыслитель, художник, общественный деятель.

¹³ Т. Г. Цявловская.

¹⁴ Тысячу голосов от меня (*фр.*).

12

И. А. Лихачёв — М. Г. Зенгер
12 ноября 1972 года

12 ноября 1972.

Дорогая Мария Гр<игорьевна>,

Когда человек s'achemine vers la fin de sa carrière,¹ ему следует обдумать, что он преимущественно должен делать дабы максимально осчастливить человечество и обеспечить себе бессмертие хотя бы на десять лет. Я пришёл к выводу, что мне нужно заниматься переводами и только тех авторов, которых я люблю, а в качестве passé temps² делать переводы либретто опер и текстов мадригалов и м<ожет> б<ыть> заниматься балетными текстами qui ont toujours en de l'attrait pour moi.³ Лексикография — прекрасное занятие, но... предложение Ваше пришло слишком поздно — trop tard, docteur, je suis mort!⁴ К тому же я, верно, на днях подпишу обязательство на перевод «Очерков Элии» великого эссеиста Чарлза Лэма.⁵ А за спиной у меня 1) доделка «Белого бушлата»,⁶ 2) комментарии к Вилла-Лобосу,⁷ 3) перевод «Истории солдата» Стравинского-Рамюза (автор текста)⁸ и «Анжелика» Жерара де Нерваля,⁹ так что сами понимаете.

А Вам надо в первую голову писать воспоминания. В конце концов почти всё (кроме м<ожет> б<ыть> разборки архива) мог бы сделать кто-либо другой. А за Вас никто ничего вспоминать не будет. Назовите свои записки Souvenirs d'une octogenaire.¹⁰ Я думаю назвать свои Воспоминания септуагенария¹¹ и засесть за них как только мне стукнет 9 января la date fatale.¹²

Большое спасибо за то, что вспомнили и написали милое и длинное письмо. Приветус Тат<ьяне> Григорьевне.¹³

Ваш верный И. Лихачёв.

¹ Приближается к концу трудовой деятельности (*фр.*).

² Времяпрепровождение, хобби (*фр.*)

³ Которые для меня всегда привлекательны (*фр.*)

⁴ Слишком поздно, доктор, я умер! (*фр.*)

⁵ См. п. 11, примеч. 8.

⁶ См. примеч. 9 к п. 11.

⁷ Возможно, речь идет о подготовке издания: *Васко Мариз*. Эйтор Вила Лобос. Жизнь и творчество / Пер. с франц. Л.: Музыка, 1977.

⁸ См. п. 11, примеч. 10.

⁹ Замысел не реализовался.

¹⁰ Воспоминания восьмидесятилетней (*фр.*)

¹¹ От *лат.* septuagenarius, семидесятилетний.

¹² Роковая дата (*фр.*).

¹³ Т. Г. Цявловская.

ПИСЬМА Ю. А. МАКЕДОНА И А. М. ШАДРИНА
К Т. Г. ЦЯВЛОВСКОЙ (УРОЖД. ЗЕНГЕР)

13

Ю. А. Македон — Т. Г. Цявловской
26 июня 1970 года

26. VI. <19>70.

Дорогая Татьяна Григорьевна,

Иван Алексеевич¹ после благополучной операции «по поводу грыжи», как выражаются врачи, выписался из больницы в субботу 20. VI.

Лёг он в больницу с некоторым опозданием против предполагаемого срока. То не было хирурга, которому он мог бы доверить свою брюшину, то не было племянницы, которая могла бы за ним ухаживать.

Но всё, как всё и как всегда, кончалось и кончилось вполне благополучно.

В субботу завтра я к нему зайду и передам Ваше беспокойство, высказанное, и негодование, не высказанное.

Привет!

Ю. Македон.

¹И. А. Лихачёв.

14

Ю. А. Македон — Т. Г. Цявловской
1 января 1973 года

01. 1973.

Дорогая Татьяна Григорьевна,

Задержался с ответом — тяжело было. У Ивана Алексеевича¹ не только лёгкие, но и сердце было не в порядке. Как всегда, в субботу он ожидал молодёжь, но пришло человека два. Почувствовал боль в сердце — принял валидол.

В воскресенье пошёл в институт протезирования навестить знакомых, к вечеру, захватив хозяйственную сетку, вышел из дому. Зашёл в аптеку и там упал. Врач скорой помощи уже помочь не мог.

По-моему, у него был повторный инфаркт,² перенесённый на ногах. Вскрытия не было, поэтому точно сказать нельзя.

Гражданская панихида 14. XII в Доме Писателей. Искреннее горе было у всех собравшихся. Наиболее спокойно говорил только Аничков.³

Похоронен Ваня в Комарове.

9 января — день рождения. В Доме Писателей будет отмечен друзьями, учёными и знакомыми в 7 часов вечера.

Ваня не дожил месяца — умер 9. XII. Смерть практически мгновенная, если увы помирать, то так. Так же умер мой двоюродный брат А. А. Губер⁴ за рулём машины, такой же смерти быстрой желаю и себе.

Ваня жизнерадостный не думал о смерти. Полон был планов. Только успел сдать перевод «Белого бушлата» Мелвилла,⁵ которого очень любил.

Печальное — и при воспоминании грустно. Может быть Вы к 9. I. приедете?

Если нет — до свидания, если разрешите, — в Москве.

Ю. Македон.

¹ И. А. Лихачёв.

² О первом инфаркте см.: *Никольская Т. Л.* Указ. соч. С. 256.

³ И. Е. Аничков (1897–1978) — советский лингвист, философ.

⁴ А. А. Губер (1902–1971) — советский историк.

⁵ См. п. 11, примеч. 9.

15

А. М. Шадрин — Т. Г. Цявловской
27 декабря 1974 года

27. XII. <19>74 Звёздная, 22, кв. 35.

Дорогая Татьяна Григорьевна,

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю здоровья, сил и новых творческих радостей.

Ваш А. Шадрин.

P. S. Если Вы увидите Елизавету Львовну Деттель,¹ передайте ей, пожалуйста, мою благодарность за письмо и поздравления с Новым годом (у меня не оказалось её адреса).

В январе–феврале я рассчитываю быть в Москве и поговорить с ней о делах Ив<ана> Ал<ексеевича>.² Знаете ли Вы, что его переводы вышли в новой антологии «Западно-Европейская поэзия»? (Лениздат).³ К сожалению, её не достать.

¹ Е. Л. Деттель (1897–1981) — музыковед.

² И. А. Лихачёв.

³ Речь идёт об издании: *Западноевропейская лирика. Антология* / Сост. Н. Я. Рыкова. Л.: Лениздат, 1974. В переводе И. С. Лихачёва в антологии были опубликованы стихотворения: У. Вордсворда «Желтые нарциссы», Л. Камозэнса «Высокая душа, что дольный прах...», Т. Готье «Призрак розы», Ш. Бодлера «Коты», «Гэаунтентиморуменос» («Самоистязание»).

А. М. Шадрин — Т. Г. Цявловской
22 января 1976 года

22. I. <19>76.

Дорогая Татьяна Григорьевна,

Поздравляю Вас с днём ангела¹ и желаю всего самого доброго и радостного.

Главное, не хворать.

Спасибо за письмо. Собирались в половине января приехать в Москву и поэтому не ответил Вам сразу. А сейчас заболел и всё откладывается на февраль. Хочется повидать Вас и обо всём поговорить. Переводы Ив<ана> Ал<ексеевича> стихов Эмили Дикинсон² я сам посылал в Госиздат и дважды встречался с редактором тома (читал вёрстку и сверку). Жду с нетерпением выхода их в свет. Архив Ив<ана> Ал<ексеевича> пока у меня. Кое-что из его стихотворных переводов было напечатано в Ленинградской антологии зарубежной поэзии.³

Сейчас готовлю его переводы для двуязычной антологии английской поэзии⁴ (к сожалению, берут немного) с друзьями Ив<ана> Ал<ексеевича>.

Вся беда в том, что почти невозможно достать книги.

Будьте здоровы.

Ваш А. Шадрин.

¹ 25 января — день памяти св. мученицы Татьяны.

² Переводы Лихачёва вошли в антологию: Песнь о Гайавате. Стихотворения и поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1976. См.: Указ. изд. С. 495–502.

³ См. примеч. 3 к п. 15.

⁴ О каком издании идет речь установить не удалось.